

Пролог

В каждой английской семье есть истории, легенды, поверья, которые передаются из поколения в поколение, как фамильное серебро или драгоценности. Шекспир сказал однажды, что мир — театр, а люди в нем актеры. Если согласиться с этим высказыванием, то жизнь, которую вел Рэндольф Бентем Ратледж, кому-то покажется комедией, а кому-то и трагедией, в зависимости от нравственных устоев каждого.

Друзья вышеназванного джентльмена воспринимали жизнь как комедию, пока не кончались деньги, а вот для его жены, детей и должников это была трагедия с многочисленными вызовами актера на бис. Что касается его самого, то однажды он со смехом заявил, что считает свою жизнь не более чем фарсом.

История семьи Ратледж берет свое начало лет за восемьдесят до появления здесь Вильгельма Завоевателя, когда некий крестьянин из захолустья погрузил свои пожитки в скрипучую старую повозку, запряженную волом, и отправился вглубь страны. Это было весьма необычно, поскольку

большинство саксонских крестьян в те времена от рождения до гробовой доски жили на одном месте. Такой поступок свидетельствовал о чрезвычайной смелости крестьянина, хоть далеко он и не уехал — всего на двадцать миль к югу, однако этому расстоянию предстояло навсегда изменить судьбу его семьи.

Звали того смельчака Джон из Кампдена. Как утверждает семейная легенда, добравшись до зеленой долины реки Коулн, он остановился на поросшем самой сочной зеленой участке поймы, распряг вола, разгрузил телегу и глубоко всадил лопату в плодородную землю. Так было положено начало клана и сделан первый шаг к высшему слою сельской аристократии.

Каким образом простой крестьянин стал обладателем завидной земельной собственности — тайна, покрытая мраком, но факт остается фактом. Все последующие века его потомки трудились не покладая рук, чтобы построить прочные дома, опрятные деревеньки и добротные церкви, которые назывались шерстяными, потому что каждый камень в их фундаменте и каждая свеча были оплачены деньгами, вырученными от продажи шерсти котсуолдских овец.

Шли годы, из названия «Кампден» давно исчезла буква «п» и оно превратилось в «Камден», когда другой Джон решил претворить в жизнь очередную грандиозную задумку: построить хороший помещицкий дом на том самом месте, где, согласно легенде, его далекий предок первым вскопал ярды земли,

повернув тем самым колесо фортуны. Как и все остальные дома, этот был построен из

светло-коричневого камня, но отличался особым изяществом и величием. Его идеальные пропорции заставляли деревенских жителей взирать на него с благоговением. Зубчатые стены с бойницами, крутые высокие крыши, в тени которого стояла приходская церковь Святого Михаила, больше напоминали замок и свидетельствовали о богатстве, могуществе и влиянии этого честолюбивого семейства.

Но фортуна — дама капризная. Почти два столетия спустя, когда в Чалкоте родился очередной Джон Камден и, даже не подозревая об этом, принес с собой период серьезной нестабильности, ей было угодно отвернуться от семейства. Хоть в деньгах недостатка не ощущалось, эпидемии оспы, чумы, а также гражданские смуты вырвали из генеалогического древа этого семейства целые ветви. И этот последний Джон Камден оказался неудачником, который потратил четыре десятилетия и сменил множество жен, пытаясь заполучить наследника для умирающей династии, пока чуть не умер от сердечного приступа.

Пролежав два дня в беспомощности в своей просторной спальне, он наконец очнулся и увидел своих дочерей-близняшек Элис и Агнес, склонившихся, словно два скорбящих ангела, над тем, что, как догадывался Джон Камден, должно было стать его смертным одром. Кровать была настолько узкой, что мягкие пушистые волосы девочек, стоявших по разные ее стороны, соприкасаясь, путались. Старик показалось, что он задыхается от этого, и он жестом приказал дочерям уйти. Не смея

ослушаться, обе отпрянули от кровати, но так уж получилось, что гребень Элис зацепился за волосы Агнес, и им пришлось какое-то время повозиться, чтобы отцепиться друг от друга.

Глядя на них в немом изумлении, Джон Камден вдруг решил, что это знамение Божье, и, собрав последние силы, послал в Оксфорд за своим поверенным и составил необычное завещание, оставлявшее зияющую рану посреди его наследства. Собственность, которой его семейство владело в течение восьми столетий, предстояло разделить на две части. Элис, которая была на четверть часа старше своей сестры, получила ту часть, на которой стоял Чалкот, а более отдаленная часть отходила Агнес, скорее благоразумной, нежели приятной.

Единственным предсмертным пожеланием Джона Камдена было, чтобы потомство дочерей заключало родственные браки, дабы фамильная земельная собственность в конце концов воссоединилась. Но самое главное — земля должна была всегда оставаться во владении семьи. Он поклялся, что в противном случае его душа никогда не найдет покоя.

Элис оказалась более сметливой и в самом начале своего первого сезона сумела заинтересовать джентльмена, считавшегося не только самым привлекательным, но и самым распутным в Англии. По молодости и глупости она видела перед собой только привлекательную картинку, и, едва успели отзвонить свадебные колокола, Рэндольф

восьми сотен лет тяжкого труда. К тому времени как в результате этого подобия брака родилось трое детей, воссоединять было практически нечего: от владений Элис почти ничего не осталось, и призраку Джона Камдена появляться было негде.

Что касается Агнес, она не сидела сложа руки: удачно вышла замуж, и на ее половине земельной собственности вскоре появился дом, не уступавший хорошо укрепленному замку. Все еще досадуя на то, что часть знаменитого родового гнезда досталась Элис, Агнес не желала ни признавать своего имеющего дурную репутацию зятя, ни сочувствовать страданиям сестры.

— Похоже, хорошо продать этот проклятый дом нам не удастся, — посетовал как-то дождливым вечером Рэндольф, разглядывая в окно гостиной передний двор Чалкота. — Мало кому придет в голову поселиться в таком сыром и мрачном месте.

— Но сейчас весна, Рэндольф, — возразила Элис, перекладывая младенца к другой груди. — Для угодий хорошо, что идут дожди. А кроме того, мы не можем продать Чалкот, даже заложить не можем, потому что таково условие завещания. Когда мы поженились, ты знал, что в свое время все перейдет к Кему.

— До этого времени еще надо дожить, — с горечью буркнул Рэндольф, рухнув в кожаное кресло. — Впрочем, твой замечательный любимчик может заполучить все это довольно скоро, потому что, клянись, если в ближайшее время не раздобуду наличные, я умру от скуки.

— Мог бы уделить немного времени Кему или Кэтрин, — предложила Элис, кивнув в сторону старших детей, занятых игрой в триктрак в дальнем углу комнаты.

Юноша, вытянув длинные ноги в сапогах, и девочка сидели за столом. Рядом с ними на полу стояла огромная медная кастрюля, куда капало с потолка: крыша над их головами протекала, но, увлеченные игрой, дети, казалось, этого не замечали.

Рэндольф, презрительно фыркнув, повернулся к жене и с раздражением проворчал:

— И не подумаю, дорогая! Этот будущий мелкий землевладелец, на которого ты возлагаешь такие надежды, — плод твоего воспитания. Ты вбила себе в голову, что это поместье обязательно нужно спасти. А что касается девчушки... малышка весьма привлекательна, но увы...

«Еще слишком мала», — хотела продолжить Элис Ратледж, но промолчала, не в силах преодолеть смертельную усталость, которая преследовала ее после родов. Она закрыла глаза и, должно быть, ненадолго задремала, как это часто случалось с ней в последнее время. Ее разбудил недовольный крик ребенка. Видимо, у нее молока было мало, и малыш выражал свое возмущение.

— Ненасытный маленький дьяволенок! — хохотнул Рэндольф. — Вечно тебе мало, не так ли, дружище? С настоящими мужчинами всегда так.

Его голос прозвучал прямо над ее головой, и Элис с трудом открыла глаза. Муж, накло-

нившись над диваном, протягивал руки к ребенку. У нее не было сил ему отказать, и Элис, как это часто бывало, просто выпустила малыша из рук. Кроха, размахивая ручонками и радостно гукая, отправился к отцу.

Рэндольф принялся энергично подбрасывать сына на колене, сопровождая свои действия непристойной кабацкой частушкой, и ребенок, явно довольный, зашелся смехом.

— Прекрати, Рэндольф! — потребовала Элис. — Это уж чересчур! Я не позволю прививать ребенку твои мерзкие привычки.

Не прекращая своего занятия, Рэндольф раздраженно рявкнул:

— Заткнись, Элис! Этот ребенок мой, понятно? Одного ты превратила в певчего для церковного хора да и девчонку уже испортила, но этого — черта с два! Только взгляни на его глаза, на эту улыбку! Видит бог, парень весь в меня! У него моя натура и мои аппетиты.

— Не дай бог! — в ужасе буркнула Элис, а Рэндольф, запрокинув голову, расхохотался.

— Ох, Элис, лучше сразу откажись от своих претензий подобру-поздорову. Из двоих старших ты сделала то, что хотела, но у этого пухленького маленького дьяволенка все мое, и я поступлю с ним так, как пожелаю. Даже не пытайся мне препятствовать, кишка тонка.

Элис опустила руки, в который раз подумав, что жизнь прожита зря. Кроме детей:

Камдена, Кэтрин и малыша Бентли — после нее ничего не останется. Ее дни на земле сочтены, и она об этом знает. А что потом? О боже, что будет потом?

Кому она сумела привить навыки строгой самодисциплины, что позволит ему в будущем всегда поступать правильно, а Кэтрин мягкий характер, доброта и неброская красота помогут в свое время найти хорошего мужа, который увезет ее куда-нибудь подальше от развратного папаши. Но малыш, ее милый маленький Бентли? Что будет с ним, когда ее не станет? Печаль и страх вновь охватили Элис, и она заплакала.

Глава 1

— Всему свое время: главное — научиться ждать, — пробормотала по-французски Фредерика де Авийе, и это прозвучало как заклинание. Наверное, ей вспомнилось что-то из уроков французского языка и теперь раз за разом прокручивалось в голове, доводя до белого каления своей навязчивостью, словно зеленая с желтым птичка, мерно раскачивавшаяся на проволоке, которую она постоянно видела в витрине магазина на Пикадилли. «Всему свое время». Что за дурацкое высказывание!

Постояв немного перед дверью в конюшни, словно решая, войти или нет, девушка расправила плечи и решительным шагом двинулась в сторону цветников, террасами спускавшихся вниз, на ходу нетерпеливо постукивая себя по бедру рукояткой плетки. Было довольно больно, но это помогало сдерживать слезы. Хорошую же службу сослужила ей эта дурацкая поговорка! Эти слова давали ей надежду во время неудачного первого сезона в Лондоне, поддерживали ее и здесь, дома, в Эссексе, пока она с нетерпением ожидала возвращения Джонни

из его так называемого большого путешествия, что было традиционным для выпускников колледжей и других учебных заведений.

Ну и что дало ей это ожидание? Уж лучше бы она отправилась в Шотландию с Зоей и малышами. Она же предпочла остаться здесь с тетушкой Уинни и мальчиками, и вот теперь между ней и Джонни все кончено.

Безжалостно отталкивая ветки болиголова, Фредерика шагала по садовой тропинке, освещенной мерцающим лунным светом. Здесь, на нижней террасе, зелень росла как хотела, без вмешательства садовника, и образовала густые заросли. Вдали кто-то оставил зажженный фонарь, свет которого мог бы показаться Фредерике гостеприимным в другое время, но не сегодня.

Ночь была хоть и прохладной, но не сырой, в воздухе остро пахло свежевскопанной землей. Фредерика глубоко вздохнула, пытаясь справиться с неожиданно охватившим ее отчаянием. Нет уж, только не это! Уж лучше гнев, чем паника! Впрочем, на что сердиться? Незачем было возвращаться из Лондона. Слишком доверчивой она оказалась: несмотря на все свои заверения и страстные взгляды, Джонни Эллоуз вовсе не собирался жениться на ней.

Она резко остановилась, с трудом различая контуры следующего марша лестницы в лунном свете.

Как могла она так ошибиться? Как могла допустить такое?